

В. Г. Шнайдер

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В МЕСТАХ СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ
(СЕРЕДИНА 1940-х – СЕРЕДИНА 1950-х гг.)**

В статье рассмотрены отдельные аспекты процесса социальной адаптации депортированных народов Северного Кавказа в местах ссылки (Казахстан, Киргизия) во второй половине 1940 – первой половине 1950-х гг. Автором затронуты такие проблемы, как условия пребывания в режиме спецпоселения, динамика изменения уровня занятости спецпоселенцев, их отношение к своему положению, проблемы сохранения родственных связей.

**PROBLEMS OF SOCIAL ADAPTATION OF PEOPLES
DEPORTED FROM NORTHERN CAUCASIA IN THE PLACES OF EXILE
(THE LATE 1940s AND EARLY 1950s)**

Several aspects of social adaptation of the ethnic groups deported from Northern Caucasia in the places of exile (Kazakhstan and Kirghizia) in the late 1940s and early 1950s are regarded in the article. Such issues as exile living conditions, dynamics of the settlers' employment rate, their evaluation of their own status, keeping relations with their families are taken into consideration.

Представители народов, депортированных в годы Великой Отечественной войны, были ограничены в правовом отношении и возможностях передвижения. На начальном этапе ссылки жизненно важной задачей была их скорейшая социальная адаптация в местах спецпоселения.

В районах размещения спецпоселенцев было создано 429 комендатур НКВД. Каждую из них возглавлял комендант, носивший военную форму установленного образца и табельное оружие. Как правило, это были местные жители из числа бывших военнослужащих. Спецпоселенец был обязан один раз в месяц отмечаться в комендатуре и не выезжать без разрешения коменданта за границы определенного района. Запрещался переезд из одного населенного пункта в другой. Без разрешения нельзя было навещать своих родственников и т. п.

Комендант был в каждом населенном пункте. В некоторых случаях, если села были совсем маленькими, мог быть один комендант на несколько таких поселений. Если же, напротив, населенный пункт был очень большой, то коменданты имели помощников. На группу домов из числа спецпоселенцев назначался так называемый «десятидворник», или десятник, в обязанности которого входило наблюдение за другими спецпоселенцами. Он докладывал коменданту о всех их перемещениях¹.

Трудный 1944 г. толкал людей на преступления, чаще всего ради сохранения жизни. Статистика преступлений пока-

зывает, что побег с мест поселения составлял в тот наиболее сложный год только 1/5 часть из общего числа заведенных уголовных дел. «В результате проведения оперативных мероприятий, в течение июня месяца 1944 г. было арестовано 2 196 чел. спецпоселенцев, из них: антисоветского и бандитского элемента — 245 чел., за скотокрадство и кражи — 1 255 чел., за побег с мест расселения — 448 чел., за нарушение общественного порядка и режима — 248 чел.»².

Надо отметить, что до 1948 г. не была строго определена мера ответственности за такое деяние, как побег с мест поселения. То есть особые совещания («тройки» ОСО) рассматривали эти преступления по прецеденту, очевидно, основываясь на практике наказаний за побег из мест заключения. 26 ноября 1948 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны», предусматривающий 20 лет каторжных работ. Все дела о побегах, согласно приказу министра внутренних дел, должны были быть расследованы на местах в 10-дневный срок и переданы на рассмотрение особого совещания. В определении меры наказания удивлял даже не срок наказания — 20 лет, а формулировка «каторжные работы». Прежде она не была характерна для советской юриспруденции.

До появления указа от 26 ноября 1948 г. пропуск на выезд из района спецпоселения выдавали коменданты, а после выхода указа они могли только ходатайствовать перед районным отделом МВД о предоставлении спецпоселенцу такой возможности. Пропуск на выезд с мест поселения выдавался максимум на один месяц.

В городах и промышленных поселках, где у населения были паспорта, их выдавали и сосланным лицам. На последней странице паспорта ставился специальный штамп-надпись «Разрешается проживание только на территории», куда вписывался адрес спецпоселенца. В 1955 г. в паспортах начали ставить штампы только с указанием республики проживания, а после начала их обмена в 1956 г. перестали ставить такие штампы вообще³.

Кроме ограничений в свободе передвижения спецпоселенцы были лишены некоторых гражданских прав, а иные права сохранялись за ними формально, так как в действительности ими сложно было воспользоваться. Например, спецпоселенцев не принимали в ВКП(б), ВЛКСМ, в профсоюзы, не призывали на службу в Красную Армию. Имевшиеся среди них члены партии и комсомола ставились на учет в первичных организациях, но не привлекались даже к общественной работе⁴. Спецпоселенцы имели право на участие в выборах в местные и центральные органы власти, но не могли баллотироваться в депутаты.

Отдельно следует сказать о праве спецпоселенцев на получение высшего образования. Поступление в вуз было связано для многих из них с выездом за пределы района спецпоселения, что в значительной мере делало эту возможность умозрительной.

Наиболее важным показателем степени социализации представителей депортированных народов является уровень их заня-

тости в промышленности и сельском хозяйстве.

В 1944 г. в колхозах было размещено 428 948 чел., в совхозах — 64 703 чел. и «передано для трудового использования» на промышленных предприятиях — 108 542 чел.⁵ При этом из 70 296 семей спецпоселенцев, размещенных в колхозах, вступило в члены сельхозартели 56 800 семей, или 81%⁶.

Обратим внимание на количество спецпоселенцев, занятых в промышленности, о котором говорит Берия в своей докладной записке — 108 542 чел. Разумеется, здесь указан контингент рабочих с семьями. Однако эти цифры позволяют нам вывести процент занятых в промышленности спецпоселенцев из числа трудоспособного населения. По нашим подсчетам, эта доля составляла примерно 18%. Известно, что по прибытии депортированных лиц в места спецпоселения выявлялись их профессии. Особое внимание власти уделяли фиксированию лиц с промышленными специальностями⁷.

Экстремальные условия ссылки, поставившие многих на грань выживания, заставили использовать любую возможность для заработка и содержания семьи.

Работали почти все трудоспособные спецпоселенцы, а иногда даже и те, кто считался нетрудоспособным. Особенно заметно это было в первые годы изгнания. Например, в 1944 г. в Джамбульской области из 16 927 чел. трудоспособных работало 16 396 чел. На полевые сезонные работы было привлечено 583 старика и подростка. В то же время в Акмолинской области при наличии 17 667 чел. учтенных трудоспособных фактически работало 19 345 чел., в том числе 2 746 подростков и стариков⁸.

К началу 1950-х гг. государству удалось добиться почти стопроцентной занятости спецпоселенцев на производстве и в сельском хозяйстве. Об этом свидетельствуют данные таблицы о количестве лиц этой категории в 1950 г.⁹

Кон-тин-гент	Всего расселено		В том числе			Всего трудо-способ-ных	Из них			Всего использовано на работах вместе с ограничено тру-доспособными
	семей	чело-век	муж-чин	жен-щин	детей до 16 лет		заян-то на рабо-тах	%	не рабо-тает	
Че-ченцы и ин-гуши	106471	405923	95983	112517	197423	151924	151349	99,60	575	151349
Кара-чаев-цы	16028	60141	9960	17154	33027	20732	20721	99,90	11	23092
Бал-карцы	9092	33155	5886	10293	16976	10457	10457	100,0	—	11783

При этом надо помнить, что в 1930-е и в начале 1940-х гг. в ряде северокавказских автономий, особенно в горной их части, колхозы существовали формально, частный сектор по своему объему превышал общественный. О занятости в промышленности представителей депортированных (позже) народов в большинстве случаев говорить можно было только как о сезонном явлении. Поэтому позволительно сказать, что в этом аспекте социализации спецпоселенцев на новых местах жительства государство добилось больших результатов. Подчеркнем, что это была целенаправленная политика.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что для многих спецпоселенцев их привлечение к труду в колхозах и на производстве стало не только спасением от голодной смерти, но в некоторых случаях и обретением сравнительно высокого социального статуса. Нельзя сказать, что такой возможности у них не было на родине, но следует отметить, что и в местах поселения они не были ее лишены. Среди представителей депортированных народов в период ссылки были не только руководители, пусть даже небольших или средних трудовых коллективов, но и передовики труда, имевшие правительственные награды. Например, среди спецпоселенцев Джамбульской области уже в 1946 г. за высокие производствен-

ные показатели были премированы 3 045 чел., в основном карачаевцев¹⁰. И в последний год пребывания в ссылке ЦК компартий Казахской ССР и Киргизской ССР отмечали добросовестный труд карачаевцев¹¹.

Любопытную информацию содержит справка о руководящих работниках и членах КПСС из числа спецпоселенцев, проживавших в 1955 г. в г. Фрунзе. Это список фамилий спецпоселенцев с указанием занимаемых ими должностей. В него вошли 2 чеченца, 5 ингушей, 9 балкарцев и 7 карачаевцев. В их числе были такие работники, как директор ликероводочного завода (ингуш), председатель артели (чеченец), главный администратор оперного театра (ингуш), директор типографии (балкарец), начальник снабдыта института биологии АН (балкарец), декан заочного пединститута (карачаевец), два преподавателя (оба карачаевцы) и другие руководители разных рангов. В этом списке значился также и известный советский поэт балкарец Кайсын Кулиев¹².

Уровень жизни депортированных народов, а стало быть, и степень их социализации в местах поселения в течение всего периода пребывания в ссылке возрастали. В условиях жесткого тоталитарного общества степень социализации и уровень жизни были неразрывно связанными факторами. Впрочем, это в большей или меньшей степени относится к любому обществу.

О постепенном росте благосостояния спецпоселенцев говорит, например, такой факт. Во время обследования спецпоселенцев Иссыйк-Кульской области на предмет занятости трудоспособного населения в 1955 г., комиссия отметила, что в колхозе «ВЧК» Тюпского района 13 трудоспособных спецпоселенцев «не заняты общественно полезным трудом». Причина – слишком большие личные подсобные хозяйства (6–10 голов рогатого скота, 20–30 овец, 0,3 га огорода). Далее в справке отмечено: «Материальное положение спецпоселенцев хорошее. Почти у каждой семьи имеется свой дом и личное хозяйство: до 40 овец, 3 коровы, приусадебный участок и т. п.»¹³.

Сравнительно недавно группа исследователей Карачаево-Черкесского государственного педагогического университета провела опрос людей, переживших депортацию (к сожалению, в цитируемой работе не указано число респондентов). За добросовестную работу было награждено большинство опрошенных: 10% были отмечены правительственными наградами, 31% награждены премиями, еще 31% – почетными грамотами, 22% – ценными подарками и т. п., и лишь 34% не имели никаких поощрений¹⁴. Респондентам был задан вопрос о том, наблюдалась ли дискриминация в труде в период депортации из-за национальной принадлежности. 47% опрошенных ответили, что спецпоселенцы получали более тяжелые участки, 26% – за равный труд платили меньше, 32% – не повышали по служебной лестнице, 41% – не доверяли ответственные посты, 29% – при трудоустройстве не учитывали специальность, 53% – не учитывали состояние здоровья и возраст. Каждый второй отметил, что к ним порой относились недружелюбно, 22% засвидетельствовали случаи рукоприкладства. И только 6% респондентов отметили, что не испытывали дискриминации в труде¹⁵.

К сожалению, бывали и такие случаи, которые описаны в справке МВД, подготовленной в июне 1950 г.: «17 июня в результате вспыхнувшей драки между спецпоселенца-

ми-чеченцами и вербовочными рабочими г. Лениногорска Восточно-Казахстанской области было убито 34 чеченца. Через 10 дней в г. Усть-Каменогорске той же области на предприятии «Цинксвинецстрой» произошла массовая драка с участием 150 чеченцев и 300 прибывших вербовочных рабочих. Ранено 5 чеченцев и 7 рабочих»¹⁶.

Важной составляющей процесса социализации спецпоселенцев было их отношение к своему положению. Очевидно, что чем скорее они станут воспринимать существующее положение как неизменное и оставят мысли о возвращении на Кавказ, тем быстрее они станут органичной частью окружающего их социума и, с позволения сказать, народно-хозяйственного организма. Большое внимание настроениям спецпоселенцев уделяло и государство.

Депортированные народы Северного Кавказа оказались наиболее устойчивыми в своих стремлениях вернуться на родину. Они не могли смириться с несправедливостью своего положения в советском обществе. Одним из проявлений этого социально-психологического дискомфорта были слухи о возможном изменении их положения и возврате на родину. Нередко, особенно в начале ссылки, эти надежды связывали с вмешательством крупных капиталистических стран. Пример этому виден из докладной записки министра внутренних дел С. Круглова (11 ноября 1946 г.): «В Ташкентской области враждебными элементами усилено распространялись провокационные слухи о «предстоящей» войне между СССР и Америкой, и о возвращении спецпоселенцев в места прежнего жительства, в связи с чем многие спецпоселенцы не обзаводились хозяйством, отказывались от работы и продавали выданный им скот»¹⁷. В дальнейшем эти слухи были пресечены с помощью «агентуры» из мусульманского духовенства, которая была туда немедленно направлена и, как следует из текста записки, добилась успеха.

В докладной записке на имя А. А. Жданова от 15 августа 1946 г. министр внутренних дел Круглов сообщал, что опубликова-

ние закона об упразднении Чечено-Ингушской АССР было воспринято чеченцами и ингушами как мероприятие, «исключившее перспективу их возвращения к местам прежнего жительства, в связи с чем они делают вывод о необходимости быстрее устраиваться на постоянное жительство в местах нового поселения»¹⁸.

Далее приводится ряд высказываний чеченцев и ингушей на собраниях по поводу обсуждения этого указа. Их основным мотивом было якобы понимание спецпоселенцами своей вины и правомерности наказания, которое они понесли. Выступавшие призывали «не мечтать» о возвращении на Кавказ, а обустраиваться на новых местах. В докладной записке указывались и имена этих людей. Тем не менее Круглов вынужден был признать, что не все спецпереселенцы настроены подобным образом. Высказывались мнения о том, что бывшие союзники по антигитлеровской коалиции требуют возвращения депортированных народов¹⁹. Подчеркнем, что в первые годы ссылки надежда на бывших союзников СССР во Второй мировой войне, очевидно, была очень сильна, и подобные мысли имели широкое распространение среди северокавказских спецпоселенцев.

Карачаевцы восприняли тот факт, что вопрос об упразднении их автономии на сессии Верховного Совета СССР в 1946 г. не обсуждался, как знак того, что это дает им шанс на возвращение. Например, в Таласской области Киргизской ССР из-за этих слухов карачаевцы приостановили строительство жилых домов и даже принялись распродавать имущество²⁰. Подобные настроения возникли и в среде калмыков, так как упразднение их автономии тоже не обсуждалось на тот момент. Как известно, надежды на реабилитацию вскоре исчезли, но некоторое время они играли определенную дестабилизирующую роль среди указанных народов и, фактически, затягивали процесс их обустройства в местах ссылки.

Интенсивную работу, направленную на достижение скорейшей социальной адапта-

ции спецпоселенцев, органы внутренних дел проводили с мусульманским духовенством. Всегда, когда это оказывалось возможным, они вербовали мулл и использовали их духовный авторитет для влияния на массы. Бывали случаи, когда муллы попадали под суд, очевидно, проявив несговорчивость.

В ноябре 1946 г. Круглов докладывал Сталину, Берии, что среди спецпереселенцев органами внутренних дел выявлено и взято на учет 1 003 муллы и других религиозных авторитетов. Далее министр сообщал, что проводится политика по «отрыву лояльно настроенных к советской власти мулл от реакционного духовенства» с целью использования их в «интересах хозяйственного устройства и закрепления спецпереселенцев на новых местах поселения». Всего в 1946 г. таких духовных деятелей нашлось 170 человек²¹.

Круглов писал, что в 1946 г. МВД Казахской ССР проводило работу по «разложению» нескольких антисоветских группировок, состоявших из мусульманского духовенства. Так, в Семипалатинской области была выявлена одна такая группа в количестве 10 человек. Ее деятельность была направлена на «установление антисоветских связей с местным реакционным казахским духовенством, и на подрыв хозяйственного устройства спецпереселенцев чеченцев и ингушей»²².

В данном случае трудно судить об истинных целях чеченского и ингушского духовенства вообще и этой группы в частности. Возможно, они действительно пытались установить связь с казахским (и мусульманским) духовенством для того, чтобы наладить отправление культовых потребностей своих соплеменников? Из скудных строк докладной записки этого нельзя до конца понять. Важен итог: «В результате проведенной работы по разложению, основные объекты указанной группировки прекратили антисоветскую деятельность, а глава этой группировки..., вступив в члены колхоза, в настоящее время ведет агитацию среди спецпереселенцев за честное отношение к труду»²³.

Известны также были случаи, когда на личностном уровне люди стремились дистанцироваться от принадлежности к депортированным народам. Например, один чеченский писатель в обращении к К. Ворошилову писал: «Как могли переселить в 1944 г. мою семью и многих родственников даргинцев, якобы мы чеченцы? Это позор для нас, мы никогда не были и не хотим быть чеченцами... нас... чеченские чиновники для дальнейшего угнетения и порабощения записали в списки чистых чеченцев...»²⁴. В данном случае, по-видимому, имела место ошибка при переселении. Во всех регионах, откуда выселяли народы, такие оплошности были, и они постепенно исправлялись властями. В этом тексте обращает на себя внимание другое — это уничижительное отношение к чеченцам, как к народу, так и к его чиновникам.

Были случаи, когда люди пытались отказать от своей собственной национальной принадлежности. Например, многие из военных, зная о причине их демобилизации, изменяли свою фамилию и национальность для того, чтобы остаться в армии. По данным проведенного в 1949 г. учета спецпереселенцев, в том числе служивших в Красной Армии и оказавшихся потом направленными в новые места проживания, этот контингент насчитывал на территории СССР 8 343 офицера, 28 000 сержантов, 173 201 чел. рядового состава, всего 209 545 чел.²⁵ Не следует полагать, что все они пытались изменить фамилию и запись о национальной принадлежности, но отдельные случаи имели место.

Оказавшиеся на спецпоселении люди столкнулись с такой проблемой, как разрушение семьи, что особенно болезненно для представителей народов с сильно развитыми кровнородственными связями. Насколько спецпоселение повлияло на социальную организацию и родовой уклад жизни северокавказских народов?

Уже в ходе депортации и по пути к местам поселения множество семей оказались разобщены. Об этом косвенно свидетель-

ствует число беспризорных детей среди выселенных народов. Только в июне 1944 г. органами НКВД было выявлено и устроено в детские воспитательные трудовые колонии 1 268 детей²⁶. Надо полагать, что это только часть детей, оставших от родителей в пути или оказавшихся в одиночестве по более печальному поводу. Очевидно, что какая-то часть беспризорников не была обнаружена, а иных детей, оставшихся без родителей, опекали близкие родственники.

Первыми с проблемой потери семьи столкнулись, разумеется, карачаевцы. Комиссар госбезопасности В. Чернышов сообщал Л. Берии в декабре 1943 г., что во всех районах расселения Казахской и Киргизской ССР от карачаевцев поступает много заявок на розыск членов семей и воссоединения с ними. Только в Джамбульской области таких заявлений поступило свыше 2 000²⁷.

Сколько всего семей было разрознено и сколько из них воссоединилось неизвестно. Такая статистика нам не встречалась в источниках, да и вряд ли она велась.

Надо сказать, что по количеству заявлений, поданных на розыск семей, трудно судить, скольких людей коснулась эта проблема. Их могли подавать два или более членов одной семьи. Известно, однако, что государство не препятствовало такому воссоединению. Правда, иногда оно происходило слишком поздно.

Известным испытаниям подвергся институт брака. Дело в том, что женщин (карачаевок, балкарок, чеченок и ингушек), находившихся замужем за мужчинами, не принадлежавшими к выселяемым народам, не депортировали. Разумеется, что не высылались и дети от этих браков. И хотя таких женщин было немного, буквально десятые доли процента, это исключение из правил поставило три важных вопроса: что делать с представительницами других (невыселяемых) национальностей, которые вышли замуж за мужчин, подлежащих депортации? Кем при этом должны считаться их дети? Как поступать со спецпоселенками, которые выйдут замуж по месту ссылки за кого-

либо из местных мужчин? Многие женщины последовали в ссылку за своими мужьями и повезли туда же своих детей. Но их пребывание на спецпоселении было условным.

Официально женщин, вышедших замуж за местных «спецпоселенцев», а также разошедшихся со спецпоселенцами, если сами они не принадлежали к числу высланных народов, снимали с учета только в 1955 г., после соответствующего постановления Совета Министров (от 25 ноября того года). При этом известно, что эти категории женщин имели данные послабления практически с самого начала пребывания на спецпоселении. (Более подробно об этом сказано в последнем параграфе этой главы.)

Испытания не обошли стороной и мононациональные браки депортированных народов. Пребывание на спецпоселении — в замкнутом и достаточно ограниченном пространстве — само по себе сокращало свободу в выборе будущего супруга. Вдобавок к этому были случаи, когда коменданты, в силу различных обстоятельств, препятствовали заключению того или иного брака²⁸.

Гораздо большей опасности, чем семья, подвергалась в период спецпоселения целостность и прочность кровнородственных связей. Род как основа традиционных горских обществ существенным образом был подорван в годы советской власти, но депортация четырех северокавказских народов ставила этот общественный институт в их среде на грань исчезновения.

Нужно отдать должное спецпоселенцам, они стремились сохранить родственные связи, несмотря на, казалось бы, непреодолимые препятствия. Например, дни расписывания в журналах в комендатуре имели особое значение. «Чужие», как называли депортированных в местах спецпоселений, оставались возле комендатуры и после ее посещения. Здесь происходил обмен информацией, здесь сговаривались о помощи, например, в постройке дома и т. д. В такие дни представляли «новеньких», прибывших в порядке воссоединения с семьей, обсуждали разные новости²⁹.

В. А. Тишков в одной из своих работ упоминает чеченский «устный телеграф» — хабар, который содействовал соединению семей, налаживанию связей между родственниками, невзирая ни на какие кордоны. Исследователь приводит воспоминания одного из своих респондентов: «Были специальные люди, которые ходили по всему Казахстану, Киргизии, от одного села к другому, чтобы собирать и сообщать сведения, кто где живет и кто кого разыскивает. Таких людей было много. Это были какие-то добровольцы, которых просто кормили в пути и давали переночевать. А делать это, между прочим, было довольно опасно... И вот можно себе представить, что через несколько лет чеченцы и ингуши почти все нашли друг друга, узнали, кто жив и кто умер, стали писать письма друг другу, передавать разную информацию, помогать друг другу»³⁰.

Информация о таких «специальных людях» нам не встречалась нигде, кроме названной работы, притом, что это поразительный и очень яркий факт из истории северокавказских народов периода пребывания на спецпоселении.

В заключение статьи надо отметить, что советское государство предпринимало небезуспешные попытки социализации спецпоселенцев в местах их нового проживания. Одной из задач этой деятельности было предотвращение их физического вымирания, главным образом от болезней, неустроенности и голода. Власти содействовали тому, чтобы спецпоселенцы самостоятельно могли зарабатывать себе на пропитание и кров. Постепенно уровень жизни депортированных народов стал возрастать.

Вместе с тем государство вело направленную политику разрушения социо- и этнокультурных основ высланных народов, что наряду с разрушением родовых связей, дисперсным расселением по огромной территории и затрудненными связями должно было рано или поздно поставить их перед фактом этнического размывания и последующего исчезновения.

При этом, несмотря на трудности и препятствия, все годы ссылки карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев не покидало стремление к этнокультурному самосохранению и консолидации, желание вернуться на родину. Иначе нельзя объяснить тот массовый поток переселенцев в

места прежнего жительства, который хлынул из Средней Азии и Казахстана в середине — второй половине 1950-х гг., невзирая на то, что многим уже было что оставлять в местах закончившейся ссылки, а на Кавказе жизнь нужно было начинать заново.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Темукеев Б. Б.* Спецпереселенцы: В 4 ч. — Нальчик, 1997. — С. 169.
- ² ГАРФ, Ф.Р. 9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 312.
- ³ *Темукеев Б. Б.* Спецпереселенцы: В 4 ч. Ч. 1. — С. 170.
- ⁴ *Алферова И. В.* Государственная политика в отношении депортированных народов (кон. 30-х — 50-е гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1998. — С. 156.
- ⁵ ГАРФ. Ф. Р. 9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 311.
- ⁶ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии. — М., 1994. — С. 85–86.
- ⁷ ЦГА КБР. Ф. Р. 774. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
- ⁸ ГАРФ. Ф. Р. 9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 313.
- ⁹ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 357. Л. 70.
- ¹⁰ Карачаевцы: Выселение и возвращение (1943 — 1957 гг.): Материалы и документы. — Черкесск, 1993. — С. 20–21.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Час испытаний: Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа: Документы и материалы / Сост. Б. М. Зумакулов, А. Х. Каров, С. Н. Бейтуганов и др. — Нальчик, 2001. — С. 278–279.
- ¹³ Там же. — С. 284.
- ¹⁴ *Койчиев А. Д.* Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — Ростов-на-Дону, 1998. — С. 468.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 570. Л. 243.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. Р. 9401. Оп. 2. Д. 139. Л. 380.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. Л. 381.
- ²⁰ Там же. Л. 382.
- ²¹ ГАРФ. Ф. Р. 9401. Оп. 2. Д. 139. Л. 378.
- ²² Там же. Л. 378–379.
- ²³ Там же. Л. 379.
- ²⁴ *Бугай Н. Ф.* Злая память // Родина. — 2000. — № 1–2. — С. 184.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. Р. 9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 313.
- ²⁷ *Шаманов И. М., Тамбиева Б. А., Абрекова Л. О.* Наказаны по национальному признаку. — Черкесск, 1999. — С. 35.
- ²⁸ *Нартокова Н. В.* Социальная политика в Кабардино-Балкарии в 40-х — нач. 60-х гг. XX века: Дисс. ... канд. ист. наук. — Пятигорск, 2000. — С. 135.
- ²⁹ *Кульбаев М. А.* Не только о себе. — Нальчик, 1999. — С. 90.
- ³⁰ *Тишков В. А.* Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). — М., 2001. — С. 84.